

Александр Басов, Евгений Логинов, Юлия Чугайнова Кто будет писать статьи? Абитуриенты и студенты философского факультета о философии

Аннотация

В статье рассматривается проблема травмы философского образования. Основываясь на прототипической теории категоризации и используя методы экспериментальной философии, авторы предприняли попытку выяснить, что современные студенты думают о философии.

Ключевые слова

философское образование, социология философии, экспериментальная философия, прототипическая теория

Любое здоровое сообщество нуждается в постоянном самоописании как качественными, так и количественными методами. Только на основании исследования представители этого сообщества могут рассчитывать на то, что их саморефлексия будет отражать реальное положение дел. Тем более если речь идет о сообществах ученых, коим по рангу пристало относиться ко всему, не исключая и самих себя, с научной точки зрения. Не является исключением и философское сообщество. Наши коллеги, во всяком случае, англоязычные, уже несколько десятилетий глубоко и систематически занимаются изучением самих себя,

не забывая при этом, что всё же главная их задача – делать философию, т.е. изобретать собственные аргументы по фундаментальным вопросам и исследовать достоверность чужих доводов. Если вы откроете какой-нибудь недавний текст американского автора, посвященный современной философии, написанной на английском языке, то почти наверняка увидите, что там кроме исторических и концептуальных реконструкций используются статистические данные (см., например, [Soames 2014, 12]). Даже сам Дэвид Чалмерс, крупнейший метафизик наших дней, не просто не отказывается от рутинного труда социолога философии, но и в соавторстве с Давидом Бурже подготовил одно из наиболее впечатляющих исследований в этой области [Chalmers D., Bourget D. 2014].

В России мода на социологию философии только начинается, хотя уже проводятся тематические конференции (например, конференция «Российское философское сообщество: история, современное состояние, перспективы развития» в октябре 2014 года в рамках проекта «Философские среды» на философском факультете МГУ). Сложилось так, что это увлечение совпало с усиливающейся формализацией отечественного образования и науки. Научное сообщество в целом без восторгов приняло нововведения, нарастает количество критических отзывов о ставшей насущной необходимости измерять деятельность ученого или педагога, тем более гуманитария, тем более философа, наукометрическими показателями. Стоит заметить, что как бы негативно мы порой ни оценивали результаты формализации, мы уже находимся внутри этого бурного потока, и, как заметил профессор В.В. Миронов по схожему вопросу, должны «выплыть и сохранить то лучшее в образовании, что пока еще есть» [Миронов 2015 web]. А раз мы уже заброшены, выражаясь языком одной совсем недавно еще очень популярной философии, в такую ситуацию, то было бы бесполезно попытаться обратить ее в свою пользу.

Исследуя философию социологически, можно преследовать две разные цели. Можно пытаться прирастить социологическое знание, а можно заботиться о знании философском. Поэтому нелишним будет отделить собственно профессиональные социологические исследования философов и философии от дилетантских самоисследований философов, проведенных с помощью социологических, психологических, а также квазисоциологических и квазипсихологических методов.

Пионерами собственно социологической социологии философии можно считать Пьера Бурдье и Рэндалла Коллинза. Это профессиональные социологи, решившие методами своей науки просветить в философии то, что не видно самим философам. В настоящее время в этом ключе работают многие исследователи, такие как, например, Мартин

Куши, Джозеф Бен-Дэвид и другие. В целом это направление можно считать разделом социологии науки или социологии образования.

Мы ставим под сомнение эвристичность существующего социологического подхода для исследования истории философии. Вполне возможно, нам просто неизвестны достаточно удачные примеры таких исследований. Это, однако, не значит, что имеющиеся исследования плохи. Например, возьмем замечательную монографию Нила Гросса «Richard Rorty: The Making of an American Philosopher». Общеизвестно, что это едва ли не самая подробная и проникательная критическая биография создателя неопрагматизма. Во введении мы находим изящные рассуждения о социологах философии, о Коллинзе и Бурдье [Gross 2008, 10–16]. Собственно, и сам Гросс является профессором социологии и занимается изучением академической политики и политических взглядов профессуры. Но если отбросить ссылки на социологов, некоторый терминологический флёр и сравнить ее с любой другой образцовой биографией философа, например, книгой Рея Монка о Витгенштейне или классической, хотя и несколько устаревшей, работой Эрнеста Моснера о Юме, то мы не увидим ни разницы в методе, ни какого-то особого рода результатов. Другой пример: весьма оригинальная книга Бурдье «Политическая онтология Мартина Хайдеггера» до недавнего времени не оказывала хоть сколько-то заметного влияния на академическое хайдеггероведение своими увлекательными рассуждениями о двуличности и автономии философского поля [Бурдье 2003, 15–22, 81–102]. Кроме того, для нас вполне очевидно, что для отечественной историко-философской традиции, давшей и примеры настоящего социологизаторства, и добротных исследований социальных корней философских концепций, идея обусловленности содержания философских аргументов общественными процессами сама по себе не является чем-то новым. Другое дело, как именно англо- и франкоязычные авторы эту идею раскрывают. Здесь им удастся получать интересные результаты, хотя они интересны не в силу своей социологической специфики¹.

Впрочем, социология философии довольно популярна в современной России. Существует несколько уже ставших авторитетными исследователей, работающих в этой традиции. Самый яркий и положительный пример являются собой интеллектуально изощренные участники группы Алек-

¹ Этот вывод был сделан нами на VIII студенческом научном семинаре по методологии истории философии при кафедре Истории зарубежной философии философского факультета МГУ (май 2013 года). За нелестный анализ работ Коллинза благодарим С.С. Астахова, В.В. Васильева, А.А. Костикову, Е.М. Быкова.

сандра Бикбова (см. [Бикбов 2004], отдельные пассажи [Бикбов 2014, 224–231], а также публикации на a.bikbov.ru/ и их манифест [Бикбов 2015]). Если Бикбов и его ученики ориентированы прежде всего на французскую социологическую мысль, то новосибирский профессор, переводчик Коллинза Н.С. Розов [Коллинз 2002], и кемеровский профессор В.Н. Красиков, автор книги «Социальные сети русской философии XIX–XX вв.» ([Красиков 2011], рецензия [Быков 2012]) пытаются делать социологию в американском стиле. Эти авторы убеждены, что социология философии представляет собой радикальный и революционный проект, призванный полностью изменить наше представление о самих себе, доказать, что исследование носит коллективный характер¹, объективировав философию, пустив ей, так сказать, кровь и показав всему миру, что сия субстанция имеет, как у всех смертных, алый цвет. Надеемся, что это у них получится.

Второе, куда менее амбициозное направление исследований – это исследование философии самими философами с применением социологических методик. Это направление работы пересекается с недавно появившимся направлением в аналитической философии, с экспериментальной философией. Лишенное остроты и политизированности социологических претензий, экспериментальная философия внутри самой философии носит весьма радикальный характер. Если аналитическая философия родилась как применение новой, символической, логики и лингвистического анализа к традиционным философским проблемам, то экспериментальная философия претендует на возвращение в философию тех практик, которые в свое время философия подарила психологии и социологии [Knobe, Nichols 2008]. В известном смысле это направление является одновременно развитием учения Дэвида Юма²

¹ Справедливости ради нужно сказать, что этот тезис не является новостью для философов, его разделяли разные классические авторы, например, Ч.С. Пирс. Даже Декарт не спорил с тем, что развитие мнений (а именно с этим имеет дело социология) носит коллективный характер, тогда как истину скорее отыщет один, чем толпа. Впрочем, это, конечно, звучит старомодно. Однако исследования коллективного разума продолжаются и в наши дни аналитическими философами, наследниками классической традиции – [Левин 2014].

² В связи с этим любопытно, что трилогия ведущего экспериментального философа Джесси Принца «Furnishing the Mind: Concepts and Their Perceptual Basis» (2002), «Gut Reactions: A Perceptual Theory of Emotion» (2004), «The Emotional Construction of Morals» (2007) буквально повторяет структуру «Трактата о человеческой природе», который, как известно, состоит из трех частей: «О познании», «Об аффектах» и «О морали». Правда, позитивно-метафизическую сторону юмовского проекта Принц предпочитает игнорировать.

(у которого встречается этот термин [Юм 2009, 51]) и решением возникшей внутри аналитической философии проблемы убедительности методологии мысленных экспериментов. De facto экспериментальные философы занимаются двумя вещами: исследуют, что обычные люди думают о философии, и что сами философы думают о философии. В связи с последним они пытаются выяснить, какие темы статистически самые популярные, каковы наиболее цитируемые статьи за последние несколько лет¹, какие философы входят в канон, а какие нет² и тому подобное. Мы стараемся работать в подобном же ключе.

Данная статья – это работа, выполненная философами для философии с помощью социологических средств. В этом деле у нас есть предшественники [например, Данилов, Костылев 2006]. Однако эти исследователи смотрят на философию как на карьерное поле, а не на как собственно научную дисциплину. В другом направлении движутся исследователи из Московского центра исследований сознания, буквально на днях опубликовавшие результаты своего опроса российского философского сообщества, выполненного по модели опроса Чалмерса и Бурже (данные доступны на сайте – hardproblem.ru/). Сотрудников Центра интересовали мнения профессиональных отечественных философов относительно фундаментальных вопросов, таких как существование априорного знания, бога, теорий причинности, сознания, свободы воли и т.д.³.

¹ Например, любопытное исследование Джошуа Ноба, результаты доступны по ссылке: skdevitt.com/2015/04/28/most-cited-philosophy-papers-google-scholar-data/

² В России такое исследование проводил А. Бикбов (данные легко найти на его сайте по словам «первые философы»). Согласно его данным, «рейтинг» философов выглядит так: Кант, Платон, Аристотель, Декарт, Гегель. Остальные позиции он отсчитывает от кол-ва голосов, отданных за Канта. В два раза меньше: Ницше, Маркс, Хайдеггер, Гуссерль, Витгенштейн. В три раза меньше: Фуко, Юм. В четыре и пять раз меньше: Августин, Спиноза, Лейбниц, Делез, Сартр. Эти 17 взяли 58% от всех названных (всего 180 имён). Единственный отечественный представитель «канона» – М.К. Мамардашвили. Исследование проводилось среди студентов философского факультета МГУ и посетителей Facebook'а журнала «Логос».

³ Не затрагивая эту часть исследования, приведем их данные по «самому влиятельному философу прошлого»: Кант, Платон, Аристотель, Гегель, Маркс, Ницше, Декарт, Хайдеггер, Витгенштейн, Сократ. Самый значимый современный философ: Чалмерс, Жижек, Хайдеггер, Хабермас, Фуко, Деннет, Бодрийяр, Делез, Латур, Серл. Десятка отечественных философов выглядит так: Соловьев, Бердяев, Мамардашвили, Лосев, Ленин, Ильин, Достоевский, Ильенков, Толстой, Бахтин. Самой влиятельной книгой была признана «Критика чистого разума». Опрос проходил в философском сегменте Рунета, в нем приняли участие 1094 человека.

Нашим первым проектом было исследование «О чем спорят российские философы?»¹. Обращаясь к пользователям сегментов Рунета, имеющих отношение к философии, мы постарались выяснить, какие постсоветские философские дискуссии остались в памяти публики и какие философские журналы ей известны. Анализируя ответы на первый вопрос, мы пришли к выводу, что полезно выделить несколько сюжетов: дискуссии внутри микросообществ, крупные дискуссии (это такие, которые называли не только члены одного микросообщества), социально-политические дискуссии, изучение новых течений, борьба за советское наследие, переводческие войны. К первому виду относится дискуссия преподавателей РГПУ им. Герцена Андрея Муравьева и Алексея Грякалова о философии образования и предмете философии. Это хороший пример столкновения разных позиций относительно того, что такое философия. Сюда же относится спор Андрея Муравьева с Александром Секацким и другие дискуссии между теми, кто видит образец философии в немецком идеализме, и теми, кто придерживается более современных подходов. Другой пример: дискуссия преподавателей ТГУ В.А. Ладова и Е.В. Борисова о реализме и антиреализме. Сюда же относятся споры на разных форумах и других интернет-площадках, таких как «Философский штурм».

Наиболее известными крупными дискуссиями стали: дискуссия преподавателей МГУ Вадима Васильева и Федора Гиренка о философии сознания Хомского (24 упоминания), дискуссия Федора Гиренка с Кареном Момджяном о понятии социального (16 упоминаний) и 13 человек назвали дискуссию в НЛЮ филологов (Гаспаров) и философов (Рыклин, Подорога) о разных способах работы с литературными произведениями. Чуть меньше (10 раз) вспоминают дискуссию Валерия Подороги и Александра Никифорова о научности философии. Из социально-политических лидируют: будущее человека (97 человек) и спор славянофилов и западников (в разных вариантах 76 человек). Четвертый сюжет – отношение к философии XX века. Иногда эта проблема всплывает под названиями «классическая и неклассическая философия», «аналитическая, континентальная и отечественная философия». В этой области можно выделить два основных подвопроса: что нам делать с постмодернизмом (60 человек) и как нам относиться к аналитической философии сознания (35 человек). Менее всего популярен спор между Сергеем Муравьевым, Андреем Лебедевым и Анато-

¹ Предварительные итоги доступны по адресу – datepalmcompote.blogspot.ru/2015/05/blog-post_29.html.

лием Ахутиным о переводе Гераклита на страницах журнала «Логос», его в интернете вспомнили только 6 человек. Забористую ругань между Кареном Свасьяном и Александром Перцевым о переводах Ницше вообще знают только пятеро. Справедливости ради нужно назвать и прекрасную полемику Валерия Суровцева с Евгением Ледниковым о переводе Рассела, которую знают 4 человека из 203.

Из ответов на второй вопрос сложилась следующая картина. Лидерами оказались, ожидаемо, «Логос» и «Вопросы философии». «Логос» упомянули 110 опрошенных, 57 из них поставили его на первое место. «ВФ» назвали 96 опрошенных, но на первое место они попадали только тогда, когда это был единственный указанный журнал, а именно 21 раз. Но и этих титанов читают мало и редко. Больше всего называли блоги и микроблоги (ЖЖ, Facebook, ВКонтакте, «Философский штурм» и другие). Примечательно, что только два человека ответили, что выписывают журналы и читают их полностью (оба – студенты-философы из Орловского государственного университета). Частые фигуры: «раньше читал «Вопросы философии» сейчас не читаю», «читала один номер «Логоса», это хороший журнал», «смотрю только переводы зарубежных авторов», «публикуются свои для своих». Многие указали, что читают «Логос» и «ВФ» в Интернете. Были и такие суждения: «Я журнал сама не читаю, но слежу на Facebook'е за Анашвили и Даниловым». Многие указали, что читают только то, что интересует их узкопрофессионально (так, все, кто указал журнал «Этическая мысль», являются профессиональными этиками). Множество отличных журналов было упомянуто менее десяти раз («Человек», «Prime Russian Magazine», «Топос» и другие). Среднюю прослойку (от 15 до 30 раз) составили очень разные издания: «Философия и общество», «Скепсис», «Философские науки», «Историко-философский ежегодник», «Эпистемология и философия науки», «Синий диван». «Финиковый компот» был упомянут 31 раз, но тут явно ошибка, по-видимому, связанная с тем, что вопросы им задавал редактор ФК.

В настоящем исследовании нас больше интересовал опыт вхождения в профессиональное сообщество, та травма, которую с большой вероятностью испытывают люди в ходе получения философского образования. Абитуриенты философского факультета не имеют никакой возможности понять, что их ожидает. Философии в школе нет как отдельного предмета, она есть только в некоторых лицеях и гимназиях. Обществознание, странный гибрид из разных социальных наук, мифологии и пропаганды, не может по причине своего внутреннего устройства дать никакого представления о том, чем именно занимается фило-

соф. Тут мы делим злую участь с геологами, медиками, криминалистами и т.д. Иными словами, нас интересует связь представления о философии у «нефилософов» и философов.

Нашим первым проектом было исследование «О чем спорят российские философы?»¹. Обращаясь к пользователям сегментов Рунета, имеющих отношение к философии, мы постарались выяснить, какие постсоветские философские дискуссии остались в памяти публики и какие философские журналы ей известны.

На втором шаге мы опробовали анкеты с открытыми вопросами. Анкетирование проходило в два этапа: 1) интернет-опрос подписчиков нашей страницы в социальной сети ВКонтакте (на данный момент около 9000 человек – vk.com/philoscafe), получивших или в настоящий момент получающих высшее философское образование; 2) опрос абитуриентов 2015 года философского факультета МГУ. Ниже мы излагаем предварительные результаты нашего анкетирования.

Гипотеза², которой мы руководствовались, состояла в том, что существуют два образа философии: один внутри академического сообщества («башня»), а другой – вне его («поле»). Первый центрирован вокруг специфических текстологических, аргументативных практик, второй – расплывчато предполагает «глубину» мысли, трепет перед возвышенным и иногда скрежет по поводу его, возвышенного, забвения и поправа. Абитуриенты приходят на факультет из «поля», значит несут в себе второй образ философии, если вообще какой-то несут. Люди в «башне» занимаются, прежде всего, чтением и разбором классических текстов, и написанием комментариев (такой вывод можно сделать, просмотрев учебные планы философского факультета), тогда как люди в «поле» склонны к свободному мышлению обо всем на свете. Школьнику просто не явлен такой тип текста, который служит предметом профессионального интереса философа, тип текста теоретического. Всё, что есть в его опыте до обучения на факультете, это художественный текст и текст учебника (который, конечно, не может считаться теоретическим, даже если это хороший учебник), тогда как на факультете он сталкивается с текстами научного жанра. Эта разница травмирует абитуриента и является причиной того разочарования в философии, которое

¹ Предварительные итоги доступны по адресу – datepalmcompote.blogspot.ru/2015/05/blog-post_29.html.

² Гипотеза высказана Артёмом Юнусовым на исследовательском семинаре «Философское образование» (30 мая 2015) в докладе «Зазор между публичной презентацией университетской философии и её внутренним существованием».

постигает, согласно нашему наблюдению, студентов второго-третьего курса (т.е. когда ощутимо уменьшается давление общеобразовательных и возрастает процент собственно философских предметов).

Чтобы уточнить гипотезу, мы воспользовались прототипической теорией категоризации, ставшей популярной в когнитивной науке благодаря работам Э. Рош [Roshe 1973] и, позднее, Дж. Лакоффа [Лакофф, Джонсон 2008, 104–112], в отдельных своих аспектах восходящей к теории семейных сходств Л. Витгенштейна, а также удивительно похожей на антиабстракционизм Дж. Беркли¹. Суть этой теории состоит в том, что каждая категория нашего мышления в той или иной мере представляет собой сформированный на основе пассивного и активного опытов (т.е. восприятия и эксперимента) образ, состоящий из центрального примера, образца, и вторичных, менее существенных частей. Наш разум прибегает именно к такому способу категоризации с целью экономии сил [Rosch, Mervis, Gray, Johnson, Boyes-Braem, 1976]. Так, прототипом категории «птица» может быть, например², воробей, а страус или пингвин обитать на границе этой категории. Определить это довольно просто: нужно попросить человека назвать первую приходящую ему в голову птицу, а дальше положиться на статистику.

Если принять эту теорию (в теоретическом плане, конечно, не безупречную), то наша гипотеза будет выглядеть следующим образом. Если профессионального философа спросить, кто является философом, то он, скорее всего, ответит: это Кант. Если тот же вопрос задать «обычному» человеку, то он, согласно нашему предположению, назовет «глубокого» писателя, например, Достоевского или Камю.

Итак, первая анкета была адресована студентам, выпускникам, аспирантам и т.п. философских факультетов и направлена на выявление того, как именно изменяются представления людей о философии в результате освоения учебного плана. Всего в опросе приняло участие 108 человек. Небольшой охват анкетирования объясняется необходимостью опробовать как формулировки вопросов, так и наши собственные ожидания от респондентов. На следующем этапе исследования мы внесём в анкету некоторые изменения.

Первый вопрос анкеты выявлял, в каком вузе получал респондент профессиональную философскую подготовку. Анкета распростра-

¹ Мы, конечно, несколько огрубляем теорию Рош.

² Речь идет о современном условно западном человечестве. Вряд ли, например, древние египтяне, считавших воробьев воплощением зла на земле, согласились бы с таким образцом. Это, однако, нельзя поставить в упрек излагаемой теории.

лась через публичные интернет-странички, в результате «география» ответивших весьма разнообразна, хотя наибольшее количество относится к МГУ. Нам был интересен вопрос, обнаружится ли различие в анкетах студентов, выпускников, аспирантов и т.п. разных философских факультетов и кафедр, но для ответа на него мы не получили достаточной выборки среди коллег из других вузов. В связи с этим, на следующем этапе мы планируем, с одной стороны, сосредоточиться на философском факультете МГУ и охватить его настолько полно, насколько возможно; с другой стороны, предложить коллегам из других российских вузов сотрудничество в реализации сходных исследований.

Второй и третий вопросы выясняли, насколько вероятно, чтобы абитуриент философского факультета мог контактировать с профессиональным философом на какой-либо из ступеней образования. Ответы на второй вопрос («Является ли философия Вашей первой специальностью?») показывают, что только 14% опрошенных получали иное профессиональное образование прежде философского. Следовательно, 86% не имели за плечами никакого опыта, кроме школьного. В рамках же школьного курса, как показывают ответы на третий вопрос («Была ли у Вас философия в школе (в колледже)? В каком объеме и что именно изучалось?»), только 30% получили хотя бы некоторое представление о философии. Следует иметь в виду, что в эту группу вошли не только те, кто посещал факультативно занятия по философии, но и те, кто ответил: «нет, только в рамках курса обществознания». Большинство абитуриентов, следовательно, не имело возможности встретиться с профессиональным философом до поступления на философский факультет.

Четвертый и пятый вопросы выясняли, кого из тех авторов, с чьими текстами респонденты были знакомы, они относили к философам до поступления на философский факультет. При этом, если четвертый вопрос прямо обращался к респонденту, то пятый («Как Вы считаете, как бы на предыдущий вопрос ответили те, кто поступил в один год с Вами?») призван был выяснить мнение респондента о наиболее распространенных фигурах *en masse*. В действительности, несмотря на то, что индивидуально респондент мог указать при ответе на пятый вопрос совершенно другой набор авторов, чем при ответе на четвертый, статистически ответы на эти два вопроса практически не различаются. Пять верхних позиций согласно ответам на четвертый вопрос занимают: Платон, Ницше, Кант, Достоевский и Аристотель/Бердяев (поровну голосов); согласно ответам на пятый вопрос: Ницше, Платон, Сартр, Достоевский, Кант. Обратите внимание: Ницше, Платон, Сартр, Бердяев и, тем более, Достоевский могут быть прочитаны исключи-

тельно как писатели. Также интересно, что практически отсутствует разница в ответах между теми, кто получил какое-либо представление о философии в школе и теми, кто написал уверенное «нет» – разве что меняется положение Достоевского.

Шестой вопрос («Как Вы сейчас оцениваете свои тогдашние взгляды? Насколько сильно они изменились за годы обучения?») выяснял, как по мнению самих респондентов изменились их представления: более половины опрошенных ответили, что всерьез пересмотрели свое представление о философии, более трети лишь расширили «список» философов, оставшаяся часть не изменила своих представлений.

Следующие два вопроса показывают, как фактически изменились представления респондентов, предлагая сформировать список из пяти фигур, «которые сейчас приходят Вам в голову, когда Вы думаете о философии». Различие между седьмым и восьмым вопросами повторяет различие между четвертым и пятым. Наиболее популярные философы (в ответах на оба вопроса списки идентичны): Кант, Платон, Аристотель, Гегель, Хайдеггер. Обращает на себя внимание отсутствие лидера «школьного» списка Ницше, а также Достоевского, Сартра и Бердяева, и появление Гегеля и Хайдеггера. Полученный список является вполне академическим, в то время как «школьный» список более литературоцентричен.

Общие выводы из результатов первого опроса – удивительная устойчивость фигуры Канта как парадигмального философа на фоне глубоко литературного восприятия философии, – подкрепляются данными, полученными в ходе второго анкетирования.

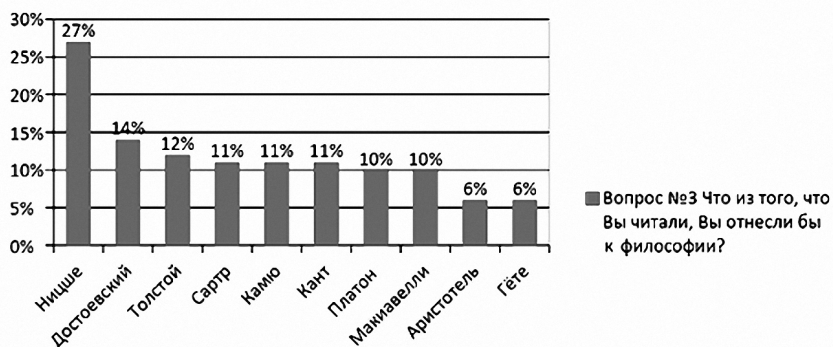
Во время приемной кампании 2015 года было опрошено 102 абитуриента философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Первый вопрос анкеты выяснял, была или не была философия в школе, и, если была, то в каком объеме преподавалась. Мы просили уточнить, из чего содержательно состоял курс. Ответившие положительно на данный вопрос отметили, что скорее это была история философии, в основном, античной философии. Из всех опрошенных 12% получили первое представление о философии в рамках отдельного факультативного курса, при подготовке к олимпиадам, а также на занятиях с репетитором. Соответственно, у остальных 88% процентов философия отсутствовала. В эти 88% входят, в том числе и респонденты, которые указали, что в учебнике по обществознанию была глава, посвященная философии, но в рамках школьного курса пройдена она так и не была.

Второй вопрос анкеты позволил учесть случаи, когда абитуриенты подавали документы на философский факультет не в год своего выпу-

ска из среднего образовательного учреждения. Из всех опрошенных сразу после школы пришло 92% абитуриентов, остальные уже имели за плечами один и два курса обучения в других высших учебных заведениях, на других специальностях.

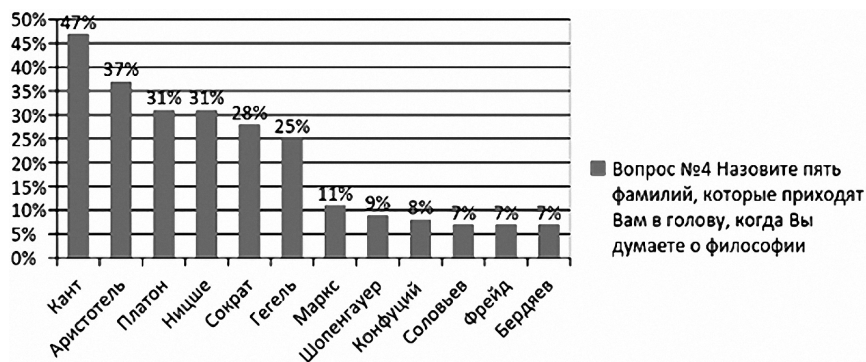
Третий вопрос анкеты «Что из того, что Вы читали, Вы бы отнесли к философии?» показывает, что лично для себя абитуриент обозначает как «философию». Результат, который был получен, показывает литературоцентричность: большинство указанных авторов и произведений скорее попали в руки абитуриентов благодаря урокам литературы. «Топ-10» открывает Ницше, а за ним сразу следуют классики русской литературы – Лев Толстой и Федор Достоевский. Философы Ницше, Сартр и Камю прочитываются, в первую очередь, как писатели. Например, когда идет речь о Сартре никто не пишет о том, что прочитал «Бытие и ничто», упоминаются литературные произведения – «Стена», «Тошнота» и т.д. Если смотреть только на русских писателей и мыслителей, отмеченных респондентами, то пятерка будет выглядеть следующим образом: Ф. Достоевский, Л. Толстой, М. Булгаков, Н. Бердяев, Н. Гоголь.

Данные на третий вопрос ответы позволили не только выявить топ-10 философов, но и составить список философских «бестселлеров». Во многом связанная с идеями экзистенциализма четверка самых популярных книг открывается произведением Ницше «Так говорил Заратустра», за ним следуют романы Достоевского и Толстого («Преступление и наказание» и «Война и мир»), замыкает список роман «Тошнота»¹.

¹ В целом отечественные «рейтинги» похожи на те, что публикуют западные издания, такие как «Philosophy now», «Prospect» и т.д. Стоит отметить два главных отличия: 1) в наших «рейтингах» почти не встречается имя Юма, который в англоязычном мире стабильно входит в «пятерку», 2) зато у нас много выше стоит имя Гегеля.

Заключительный четвертый вопрос: «Назовите пять фамилий, которые приходят Вам в голову, когда Вы думаете о философии». Почти половина опрошенных респондентов указали в своих анкетах Канта. По результатам этого вопроса Ницше оказывается третьим. Кроме того, в списке появляется Сократ, чье отсутствие в ответах на третий вопрос вполне логично. То, что Ницше читают больше, чем Канта, вполне объяснимо: Ницше легче воспринимается. Из этого, конечно, не следует, что Ницше проще Канта.

Проведенное исследование эмпирически подтверждает изначальную гипотезу. Интересным является факт абсолютного доминирования Канта как образцового философа на фоне относительно небольшого процента действительно знакомых с его текстами. Вряд ли те, кто с текстами Канта не знаком, воображают его по аналогии с теми текстами, которые прочли – с Ницше или Достоевским. По-видимому, Кант, и все другие философы, с которыми им предстоит встретиться, не имеют четкого образа, а предстают просто глубокими, великими и очень увлекательными фигурами. Конечно, это еще предстоит выяснить эмпирически. Так или иначе, но даже предварительное (мы намерены значительно расширить охват нашего исследования) подтверждение стихийной тяги к литературе у представителей «поля» может оказаться полезным для совершенствования стратегий и тактик вовлечения поступивших абитуриентов в порядки и практики, распространенные в «башне» академической философии. Две скромные и без сомнения крайне поспешные рекомендации, ценность которых нужно будет еще подтвердить или опровергнуть на материале будущих исследований, открываются нам уже сейчас.

1. Видимо, не стоит обрушивать на студента множество высокотехнических философских текстов в качестве введения в философию. Какой, например, смысл читать работы Хайдеггера или Фуко на первом курсе? Это, как правило, очень специальные тексты, подразумевающие знакомство с предшествующей им традицией, и, главное, относящиеся к очень редкому, особенному жанру, ставшему результатом развития всей истории философии и подразумевающего, что читатель владеет не только знаниями, но и навыками, в том числе и навыком письма. С одной стороны, студенты первого курса, как мы видели выше, просто не имеют опыта работы с теоретическими текстами, и, соответственно, навыка их чтения. В связи с этим, возможно, на первых курсах, в дополнение к общему курсу истории философии, было бы полезно изучать имеющие философское значение литературные тексты, а также учебники, подобные различным англоязычным «Introduction to metaphysics» и «A companion to the philosophy».

2. С другой стороны, еще более очевидно, что студенты не имеют навыка написания теоретических текстов, соответственно, было бы очень полезно увеличить количество письменных работ в жанре эссе, которые пишет студент в ходе получения философского образования. Это должны быть именно эссе в старом смысле слова – опыты, размышления. Навык написания и защиты таких текстов должен помочь и выработке навыка написания работ научного жанра.

Мы собираемся продолжить нашу работу, привлекая качественные методы (в том числе интервью), расширяя базу исследования, делая ее более репрезентативной и охватывая смежные темы (образ философии в учебниках по обществознанию, кафедральные, университетские, региональные различия и т.д.)¹.

Литература

- Bourget D., Chalmers D.* What do philosophers believe? // *Philosophical Studies*. 2014. №170 (3), P. 465-500.
- Gross N.* Richard Rorty: The Making of an American Philosopher. University of Chicago Press. 2008.

¹ В связи с последними пунктами мы обращаемся к коллегам с призывом присоединяться к нашему проекту. Если вас заинтересовало наше исследование и вы готовы к сотрудничеству, пожалуйста, напишите нам на e-mail: loginovlosmar@gmail.com или aes.basov@gmail.com.

- Knobe J., Nichols S.* An experimental philosophy manifesto // *Experimental Philosophy* (Eds.: Knobe J., Nichols S.) Oxford University Press. 2008. P. 3–14.
- Rosch E., Mervis, C. B., Gray, W., Johnson, D., & Boyes-Braem.* Basic objects in natural categories. *Cognitive Psychology*. № 8.
- Rosch E.H.* Natural categories. *Cognitive Psychology*. № 4(3). 1973. P. 328–350.
- Soames 2014 – Soames S.* Analytic philosophy in America and others historical and contemporary essays. Princeton and Oxford: Princeton university press. 2014.
- Бикбов А.Т.* Философское достоинство как объект исследования // *Логос* №3-4 (43). 2004. С. 30–60.
- Бикбов А.Т.* Грамматика порядка. Историческая социология понятий, которые меняют нашу реальность. Издательский дом Высшей школы экономики. Москва. 2014.
- Бикбов А.Т.* Как изучать российскую и советскую философию, чтобы не умереть от скуки? // *Финиковый Компот*. № 9. 2015. С. 63–66.
- Бурдье П.* Политическая онтология Мартина Хайдеггера. Москва: Праксис. 2003.
- Быков Е.М.* Русская философия «Вконтакте», или Необыкновенные приключения В.И. Красикова в социальных сетях // *Социология власти*. №8. 2012. С. 177–182.
- Данилов В.Н., Костылев П. Н.* Структура и функции философского образования. Российский контекст // *Вопросы образования*. №4. 2006. С. 90–105.
- Коллинз Р.* Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск: Сибирский Хронограф. 2002.
- Красиков В.И.* Социальные сети русской философии XIX–XX вв. М.: Водолей. 2011.
- Левин С.М.* Коллективное сознание и десубстантивация ментального // *Мысль: Журнал Петербургского философского общества*. 2014. № 18. С. 42–55.
- Миронов В.В.* Честный разговор об итогах реформы образования // pravmir.ru/vladimir-mironov-ob-obrazovanii/
- Юм Д.* Трактат о человеческой природе. М.: «Канон+». 2009.